

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA



Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RPF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А.</i> К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.)	9
<i>Пиков Г. Г.</i> Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо)	36
<i>Сериков Ю. Б.</i> К вопросу о проблемах датирования пещерной и наскальной живописи	46
<i>Смагулов Е. А.</i> О сакральном значении керамических атрибутов алтарей в жилищах Присырдарьи	61

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васечко В. Ю.</i> Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе	75
<i>Ярков А. П.</i> «А куда их деть?»: о нравственно-правовых коллизиях в умме Сибири	90

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершинева Е. А.</i> Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культурах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.	100
<i>Кацаева М. В., Пирогова О. В.</i> Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике	112
<i>Худяков Ю. С.</i> Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в периоды раннего и развитого Средневековья	127

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Дашковский П. К., Савельева Т. В.</i> Карл Молдахметович Байпаков — выдающийся ученый и организатор науки Казахстана	144
---	-----

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Сулейманов Р.Р. Рецензия на книгу В. Н. Рогатина «Гонения на православие на Украине в 2014–2016 гг.» 168

Раздел VI

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Дашковский П. К. Итоги работы IV Конгресса российских исследователей религии 173

ДЛЯ АВТОРОВ..... 181

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Akylbek S. S., Ternovaya G. A.* To the question of religious life of Kulan medieval town in VIII–IX c. (based on materials of research of citadel in 2017)9
- Pikov G. G.* The role of the Chitan elite in the history of the state of the Hsi Liao (Western Liao)36
- Serikov Y. B.* For the question of dating cave and rock painting.....46
- Smagulov E. A.* Concerning the sacred meaning of ceramic artifacts from the clay altars in the dwellings of the land along the Syr-Darya river61

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Vasechko V. Y.* Hierocrat's ethnoconfessionalism and “academic profane's” universalism: characterization of epistemological discourse in politary society.....75
- Yarkov A. P.* “But where to put them?”: the moral and legal conflicts in the ummah of Siberia.....90

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A.* The activity of the commissions for control over execution of the legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s. 100
- Kashchayeva M. V., Pirogova O. V.* Religious orientations of student's youth of provincial capital (the city of Barnaul as an example): from theory to practice.....112
- Hudyakov Yu. S.* Data about dissemination of the world's proselytizing regions and traditional beliefs and funerary rites among the yenisei kyrgyz and kyshtym during periods of the early and high middle ages 127

Section IV

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

PERSONALITIES

- Dashkovskiy P. K., Saveljeva T. V.* Baipakov Karl Moldahmetovich — an outstanding scientist and organizer of science of Kazakhstan.....144

Section V

BOOK REVIEWS

- Suleymanov R. R.* Review of the book by V. N. Rogatin “Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016” 168

Section VI

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

Dashkovskiy P. K. The results of the work of the IV Congress of Russian Scholars
of Religion173

INFORMATION FOR THE AUTHORS 181

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nreur(2019)2–09

Ю. С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

СВЕДЕНИЯ О РАСПРОСТРАНЕНИИ МИРОВЫХ ПРОЗЕЛИТАРНЫХ РЕЛИГИЙ И ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ СРЕДИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И КЫШТЫМОВ В ПЕРИОДЫ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Проанализированы сведения различных средневековых источников, свидетельствующие о приверженности енисейских кыргызов шаманизму и возможности принятия их некоторой частью после завоевания Центральной Азии, распространенных в завоеванных землях мировых прозелитарных религиозных вероучений. Обращение правителей кыргызов в эпоху Кыргызского великодержавия к этим религиям было продиктовано стремлением объединить вокруг себя разные тюркские и монгольские кочевые этносы на всей территории Центральноазиатского историко-культурного региона. Сведения о принятии кыргызскими правителями некоторых мировых религий содержатся в китайских, арабских и персидских источниках. Изображения манихейских, буддийских и несторианских религиозных символов имеются на некоторых художественных металлических изделиях, обнаруженных в кыргызских курганах, относящихся к эпохе Кыргызского великодержавия на территории Южной Сибири и Центральной Азии. После миграции некоторой части кыргызов в восточные районы Тянь-Шаня, где они проживали по соседству с мусульманами, многие из них приняли исламскую религию. После подчинения населения Саяно-Алтая Джунгарией некоторая часть местного населения приняла ламаизм. Среди племен кыштымов были распространены языческие верования.

Ключевые слова: енисейские кыргызы, тюркские и монгольские кочевые народы, мировые прозелитарные религии, Центральная Азия, Кыргызский каганат.

Yu. S. Hudyakov

Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian Academy of sciences, Novosibirsk (Russia)

Novosibirsk state University, Novosibirsk (Russia)

DATA ABOUT DISSEMINATION OF THE WORLD'S PROSELYTIZING REGIONS AND TRADITIONAL BELIEFS AND FUNERARY RITES AMONG THE YENISEI KYRGYZ AND KYSHTYM DURING PERIODS OF THE EARLY AND HIGH MIDDLE AGES

It is analyzed in an article the data of various medieval sources, testifying about commitment to shamanism of the Yenisei Kyrgyz and possibility of adaptation by their several part, after their conquest of Central Asia, of the world's proselytizing religious dogmas, widespread in conquered lands. Appeal of the Kyrgyz rulers in the era of the Kyrgyz Great Power to those religions was motivated by aspiration to unite over them different Turkic and Mongolian nomadic ethnic groups at the all territory of Central Asian historical and cultural region. Data about adoption by the Kyrgyz rulers of several world's religions are contained in the Chinese, Arabic and Persian sources. Depictions of Manichaeon, Buddhist and Nestorian religious symbols contain on several metal art goods, discovered in the Kyrgyz mounds, that are related to the era of the Kyrgyz Great Power in the territory of Southern Siberia and Central Asia. After migration of several part of the Kyrgyz into the eastern regions of Tian Shan, where they resided side by side with Muslims, large number of them have adopted Islamic religion. After subjection by Dzungaria of the Sayan and Altai Mountains population, several part of local inhabitants adopted Lamaism. There were widespread pagan beliefs among the Kyshtym tribes.

Key words: Yenisei Kyrgyz, Turkic and Mongolian nomadic people, world's proselytizing religions, Central Asia, Yenisei Kyrgyz Kaganate.

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: khudjakov@mail.ru

В предшествующий исторической период некоторые проблемы, связанные с распространением среди тюркских кочевых этносов и этнических групп Южной Сибири, в том числе среди енисейских кыргызов и кыштымов, ряда мировых прозелитарных религиозных систем, интересовали многих российских и кыргызстан-

ских исследователей*. Одним из первых по этому поводу высказал свои соображения известный российский синолог Н. Я. Бичурин (Иакинф), который перевел на русский язык многие сведения о древних и средневековых кочевниках, содержащиеся в китайских исторических сочинениях. В одном из примечаний к своему переводу сведений об енисейских кыргызах из китайского летописного источника «Синь Тан-шу» он высказал предположение, согласно которому название каганской ставки кыргызского правителя «Мидичжи» должно означать «мечеть, храм мусульманский» [Бичурин, 1998: 360, прим. 8]. В дальнейшем данное предположение было поддержано некоторыми из российских исследователей, в том числе В. Огородниковым, который на этом основании утверждал, что среди енисейских кыргызов получила распространение исламская религия [Киселев, 1949: 348].

В отличие от своих предшественников, выдающийся отечественный востоковед В. В. Бартольд, подготовивший на основе анализа китайских, арабских и персидских письменных источников развернутый сводный очерк по истории кыргызов Енисея и Тянь-Шаня, пришел к заключению, что енисейские «киргизы несомненно были шаманстами, и к этой религии относятся слова Абу Дулафа о молитвах и мерной речи. Для обозначения шаманов у киргизов, как и у других тюрок, было слово «кам», в енисейских надписях (как и в орхонских) этого слова нет, но оно приводится в Тан-шу, в рассказе о киргизах. Замечательно, что, несмотря на торговые сношения с буддистами (тибетцами) и мусульманами, нет никаких известий о каком либо успехе среди киргизов буддийской или мусульманской пропаганды» [Бартольд, 1963: 496]. Позднее археолог А. Н. Бернштам отметил распространение у енисейских кыргызов тотемизма и культа известного среди тюркских кочевых народов женского божества Умай [Бернштам, 1946: 162–163].

К вопросу о распространении среди енисейских кыргызов различных верований обращался в своем монографическом исследовании известный советский археолог С. В. Киселев. Он привел некоторые сведения китайских источников о распространении шаманистских верований среди енисейских кыргызов и отметил, что «постоянные сношения кыргызов с народами, принявшими буддизм и мусульманство, очевидно, не прошли для них даром и в религиозной сфере». Исследователь обратил внимание на сообщение средневекового автора Абу Дулафа о том, что у кыргызов имелся специальный «дом богослужений», они знали особую «мерную речь», которую они используют в процессе совершения молитв. В ходе моления они обращаются к югу. Ученый оценил эти сообщения в качестве свидетельств усложнения религиозной обрядности у кыргызов. Однако, по мнению С. В. Киселева, о возможности принятия кыргызами какой-либо из известных мировых религий в средневековых источниках нет

* В последние годы появилась целая серия работ по проблеме распространения прозелитарных религий (манихейство, ислам, несторианство) у народов Центрально-азиатского региона в эпоху Средневековья. При этом значительная часть таких публикаций базируется на археологических источниках [Дашковский, 2011; 2014; 2015; Король, 2015; Рыбаков, 2015; 2016; 2017; Нуржанов, 2013; 2017; Кожа, 2017; Терновая, 2015; Хабдулина, Билялова, Бонора, 2018; Байпаков, Терновая, 2018]. Кроме того, по данной проблематике проведены тематические конференции, среди которых можно отметить такие международные форумы, как «Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути» (2017 г.), «Центральная Азия на Великом Шелковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности» [Дашковский, 2017; Байпаков, Дашковский, 2018].

определенных сведений. Он соглашался с теми из предшественников, которые утверждали, что отсутствуют какие-либо свидетельства о проникновении буддизма в земли кыргызов на Средний Енисей. В то же время он отметил находку скульптурной группы с изображением Будды из с. Батени, которая была датирована периодом IV–VI вв. н. э. На этом предмете нанесены китайская иероглифическая и уйгурская надписи. Это дает основания предполагать, что данный предмет попал к кыргызам в качестве трофея. Согласно его предположению, больше оснований предполагать, что среди кыргызов получила распространение исламская религия. Он отметил также раскопки мусульманских захоронений предмонгольского времени на территории Тувы [Киселев, 1949: 347–348].

Иное объяснение некоторых изображений енисейских кыргызских тамг предложил С. Г. Кляшторный, который по-новому интерпретировал содержание енисейской рунической Суджинской надписи, изученной в Монголии. Он пришел к заключению, согласно которому «к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и более широких слоев, получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов». Согласно предположению этого исследователя, несторианство могло быть заимствовано кыргызами у карлуков, союзнические отношения с которыми и противоборство с уйгурами, сторонниками манихейских верований, стали теми «политическими факторами, которые побудили кыргызскую аристократию поощрительно отнестись к миссионерской деятельности несторианских наставников» [Кляшторный, 1959: 167–168]. Этот исследователь высказал предположение, что некоторые кыргызские тамги передают изображение христианских крестов — «символов Голгофы». Правда, для этого рисунки этих тамговых знаков пришлось представить в перевернутом виде. Некоторые рисунки на Подкаменской писанице он интерпретировал в качестве изображений несторианских служителей культа.

Однако в дальнейшем, после открытия деревянных планок с гравированными изображениями в таштыкском склепе под горой Тепсей, рисунки на Подкаменской писанице были отнесены к таштыкской культуре [Грязнов и др., 1979: 105].

В то же время мнение о распространении несторианства среди населения Енисея поддержал известный тибетолог Е. И. Кычанов [1978: 83].

В 1966 г. Л. Г. Нечаева при обработке находок предметов торевтики из кыргызских курганов на могильнике Тора-Тал-Арты в Туве отметила присутствие на них «пламевидных» изображений, которые могут быть интерпретированы на основе «буддийской символики» [Нечаева, 1966: 129; прим. 78]. Вполне вероятно, что к числу подобных символов может относиться изображение «узла счастья» на одном из зажимов, предназначенных для кистей конской сбруи [Нечаева, 1966: 118].

В 1973 г. о появлении «буддийских мотивов» в кыргызских эпитафиях на енисейских стелах утверждал в своей статье, написанной в соавторстве с Ф. Х. Арслановой, С. Г. Кляшторный [Арсланова, Кляшторный, 1973: 315].

В дальнейшем представление о наличии буддийской символики на предметах торевтики енисейских кыргызов в эпоху «Кыргызского великодержавия» поддержали и другие исследователи. В работе С. Г. Кляшторного и Е. И. Лубо-Лесниченко были введены в научный оборот енисейские кыргызские надписи буддийского содержания с терри-

тории Восточного Туркестана [1974: 41]. Н. В. Леонтьев [1988: 188–191] выделил некоторые «буддийские мотивы» на средневековой тюретике в Минусинской котловине. Буддийская, манихейская и несторианская символика на тюретике енисейских кыргызов, уйгуров и минусинских кок-тюрок отмечалась в нескольких работах автора настоящей статьи и Л. М. Хаславской [Худяков, 1983: 144–153; 1987: 65–75; Худяков, Хаславская, 1985: 248–249]. Л. Р. Кызласов высказал предположение, согласно которому в результате «уйгурского влияния» в середине IX в. у енисейских кыргызов получило распространение манихейство [Кызласов, 1969: 127]. В последующие годы этот вариант интерпретации получил дополнительное обоснование в совместных работах Л. Р. Кызласова с Г. Г. Король [1990: 66, 102, 105, 112].

В одном из кыргызских курганов, раскопанных А. Д. Грачом в Саглынской долине на юге Тувы, были обнаружены берестяные грамоты с тибетскими шаманскими заклинаниями, которые относятся к религии бон [Грач, 1980: 107–108]. Вполне вероятно, что в ходе контактов с тибетцами енисейские кыргызы могли познакомиться с этой традиционной тибетской религией. По мнению тибетолога М. И. Воробьевой-Десятовской [1980: 131], обнаруженные в кыргызском кургане в Саглынской долине тибетские берестяные фрагменты с надписями свидетельствуют о том, что кыргызы были знакомы с распространенной среди тибетских шаманистов религиозной практикой отпугивания злых духов.

Религиозные представления и особенности культовой практики енисейских кыргызов обратили на себя внимание китайских летописцев в середине IX в., вскоре после того, как кыргызские войска сокрушили вооруженные силы Уйгурского каганата и вырвались на степные просторы Центральной Азии. Наиболее интенсивные контакты, включая обмен посольствами, между Кыргызским каганатом и китайской империей Тан приходятся на первые годы после разгрома уйгуров в 840 г. [Супруненко, 1974: 242–246]. Вероятно, в предшествующий период китайским летописцам, сведения которых в дальнейшем нашли отражение в летописном сочинении «Синь Таншу», стали известны некоторые сведения о религиозных культах енисейских кыргызов. Они были очень краткими. По свидетельству китайской летописи, кыргызы «жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань [кам]» [Бичурин, 1998: 361]. Судя по этим сведениям, у енисейских кыргызов была распространена постоянная практика обрядовых жертвоприношений духам. Принесение жертв духам в открытом поле предполагает участие в обрядовых церемониях большого количества людей. Вполне возможно, что это были общеродовые или даже общеплеменные религиозные торжества, подобные жертвоприношениям Небу, известными у племени бельтыр в Минусинской котловине в период этнографической современности. Применение коллективных культовых обрядов и жертвоприношений не являлось чем-то особенным. Вероятно, поэтому они не привлекли специального внимания китайских летописцев. Приводимые в «Синь Таншу» сведения лишены каких-либо подробностей.

Значительно подробнее описан обряд шаманского камлания у енисейских кыргызов мусульманским автором XI в. Гардизи. «Среди них есть люди, которых называют фагинунами; каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкан-

тов и приобретают все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в этом году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все, что он предсказывает, и большей частью бывает так, как он сказал» [Кызласов, 1969: 128]. Описанный обряд, включая музыкальное сопровождение, переход в бессознательное состояние и последующее предсказание грядущих событий очень похоже на шаманское камлание, которое было широко распространено у тюркских народов Южной Сибири и Центральной Азии [Потапов, 1978: 20]. Вполне возможно, что шаманы у енисейских кыргызов могли также заниматься врачеванием, облегчать участь больных, хотя прямых указаний на этот счет в источниках нет.

Шаманы продолжали бытовать у енисейских кыргызов и в последующие века. Сообщение о фагинунах и совершаемых ими предсказаниях содержатся в сочинении автора XII в. Марвази [Кызласов, 1969: 128].

Устоявшиеся традиции шаманизма сохранялись в кыргызской воинской среде в течение многих столетий. Они нашли отражение в материальной культуре. Однако обычные для шаманского культа металлические атрибуты, характерные для сибирских шаманов, в том числе подвески, крепившиеся к костюму и головному убору, детали бубнов и колотушек во время раскопок кыргызских курганов не были обнаружены. Вполне вероятно, что шаманов хоронили не на общих кыргызских кладбищах, а в каких-то удаленных, труднодоступных местах [Дьяконова, 1975: 72–80]. Согласно представлениям некоторых народов, атрибуты шаманского культа не должны были сопровождать умершего шамана в захоронении, для того, чтобы он не мог использовать эти предметы во вред живущим соплеменникам. Оставленные умершим шаманом вещи должны были передаваться новому шаману. В то же время обряд камлания у енисейских кыргызов в Средние века мог совершаться с использованием атрибутов, не характерных для последующих сибирских шаманов, в том числе лука и стрел, панцирных доспехов, меча, знамени и других вещей. В числе художественных металлических изделий, обнаруженных в прошлом в Минусинской котловине, представлены шумящие подвески, бубенцы, подвесные личины, подвески в виде летящих птиц или рыб, которые могут иметь некоторую культовую символику [Клеменц, 1886: табл. VIII, 2–7, 15, 26, 28; IX, 3; XI, 8].

Согласно описанию, приведенному в сочинении Гардизи, среди кыргызов, «некоторые из них поклонялись корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям» [Кызласов, 1969: 128]. Вполне вероятно, что в данном случае может идти речь о тотемах некоторых кыргызских родов или племен, сведения о которых средневековый мусульманский автор изложил в несколько утрированном виде. По мнению А. Н. Бернштама, тотемические представления енисейских кыргызов нашли отражение в содержании некоторых енисейских рунических надписей на каменных стелах в Саяно-Алтае. В надписи на памятнике из Бегре говорится от имени героя: «Семь волков я умертвил, барса и оленя я не убивал» [Бернштам, 1946: 162]. Из средневековых источников известно, что «Волк» был тотемом правящего тюркского каганского рода Ашина, в то время как «Барс», вполне вероятно, мог быть тотемом ведущего аристократического рода кыргызских каганов. Подобное имя носил известный кыргызский каган Барс-бег, женатый на сестре Бильге-кагана и Кюль-теги-

на из правящего тюркского рода Ашина, погибший в результате завоевательного похода восточных тюрков через Саянские горы [Малов, 1951: 38].

Из божественного пантеона енисейских кыргызов в рунических надписях чаще других упоминается верховная божественная сущность «Тэнгри» (Небо), или «Кок-Тэнгри» (Голубое небо). Персонаж енисейской рунической надписи с Элегеста выражает сожаление по поводу того, что перестал ощущать «Солнце и Луну на голубом небе» [Малов, 1952: 26]. Вероятнее всего, это утверждение отражает представление о переходе из мира живых, в котором владевает могущественное «Голубое небо», а также сияют Солнце и Луна, входящие в состав небесного пантеона, в подземное царство мертвых. Герой одного из енисейских рунических памятников в Туве провозглашает: «Небо мое (божество) — крыша нам» [Малов, 1952: 66]. В надписи тюркского воина, нанесенной на Уйбатском памятнике, утверждается: «Вверху Небо (так) соизволило» [Малов, 1952: 62]. Помимо верховного небесного божества, в отдельных надписях в некоторых случаях упоминается имя женского божества Умай, которое было в составе как тюркского, так и енисейского кыргызского пантеона. В надписи с Алтын-Келя имя этого женского божества упоминается в составе титула знатного мужчины: «Это наше имя Умай-бег, мы — наследственный муж героя» [Малов, 1952: 53]. В свое время А. Н. Бернштам подчеркнул важность такого отождествления имени божества и названного в честь него кыргызского бега [Бернштам, 1946: 163]. Опыт отождествления изображения фигуры знатной женщины со сцены поклонения на Кудыргинском валуне с женским божеством Умай открывает возможность для поиска аналогий на рисунках енисейских кыргызов в Минусинской котловине [Длужневская. 1978: рис. 1–4]. Подобные изображения женщин в «трехрогих» головных уборах имеются на Сулекской писанице на севере Минусинской котловины [Appelgren-Kivalo, 1931: abb. 77]. В нескольких енисейских рунических надписях, которые относятся к культуре енисейских кыргызов, имеются упоминания об «Иерсу» — «священной земле-воде», которая также считается одним из божеств древнетюркского и кыргызского языческого божественного пантеона [Потапов, 1978: 35].

Одно из ведущих мест в религиозной обрядовой практике у енисейских кыргызов, так же, как и у древних тюрков, занимал культ огня. Вероятнее всего, енисейские кыргызы представляли огонь в качестве очистительной, священной стихии, предназначенной очищать тела умерших соплеменников от грехов, прежде чем должны были захоронить их останки в курганах. Как повествуется в китайской исторической хронике «Синь Таншу», енисейские кыргызы «при похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойного в три ряда и плачут; а потом сжигают его; собранные же кости через год погребают. После чего в известные времена производят плач» [Бичурин, 1998: 361]. Согласно переводу сведений с другого источника «Тайпинхуаньюй-цзи», кыргызы «сжигают покойника и берут его кости; когда пройдет год, тогда и делают могильный холм» [Кюнер, 1961: 60]. Данные сведения о погребальной обрядности средневековых кыргызов подтверждают средневековые мусульманские, арабские и персидские источники. В сочинении «Худуд Ал-Алам» утверждается, что кыргызы «почитают огонь и сжигают мертвых» [Худуд Ал-Алам, 1973: 41]. О том же повествует Гардизи: «Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь — самая чи-

стая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов». Об этом же сообщают в своих сочинениях Марвази и Ал-Идриси. В них говорится о том, что кыргызы «имеют обычай сжигать мертвых, утверждая, что огонь их очищает, добавляя, что «это есть их древний обычай» [Кызласов, 1969: 195; прим. 89].

Историческим сведениям о заупокойной обрядности в полной мере соответствуют выявленные результаты исследования погребальных памятников енисейских кыргызов в Минусинской котловине. В результате раскопок было установлено, что енисейские кыргызы на протяжении всего периода средневековой истории сжигали тела взрослых людей — своих умерших сородичей и соплеменников, после чего захоранивали остатки погребального костра, в том числе жженные кости под каменными курганными насыпями. В то же время тела умерших детей и подростков кыргызы не сжигали, а хоронили их в могильных ямах под курганными насыпями [Худяков, 1980: 201–205]. Вполне вероятно, что, по представлениям кыргызов, тела детей и подростков, не совершивших каких-либо греховных деяний, не нуждались в том, чтобы проходить обряд очищения огнем. Необходимость обряда очищения позволяет предполагать, что у кыргызов были представления о потусторонней жизни, достичь которую взрослые люди могли лишь после совершения соответствующего обряда очищения от грехов.

По имеющимся сведениям, между кыргызской и древнетюркской религиозными системами наблюдаются определенные схожие черты. Они могут объясняться сходством культур этих тюркских этносов, длительными культурными и военно-политическими контактами и взаимозависимостью, наличием династийных связей между правящими аристократическими родами обоих народов. Вероятно, в результате взаимовлияния между древними тюрками и енисейскими кыргызами у них получил распространение енисейский вариант рунической письменности и традиция установки на курганах каменных стел с описанием подвигов погребенных. Первоначально эта письменность была предназначена прежде всего для мемориальной функции [Лившиц, 1980: 9].

Вероятно, под влиянием кок-тюрок кыргызы стали воспринимать свою государственность в качестве «небесного эля» — божественного государства, дарованного верховным божеством — Небом. В некоторых енисейских рунических надписях кыргызское государство прямо называется «божественным». «Я был посланником (эльчи) у божественного моего государства» — говорится в надписи из памятника Уюк-Тарлык в Туве [Малов, 1952: 11]. В другой надписи из Уюк-Турана в Туве утверждается, что герой надписи Учтин Кулюг Тириг «не наслаждался божественным государством» [Малов, 1952: 17]. Подобные определения кыргызского государства содержатся и в некоторых других енисейских рунических надписях. Вероятно, они отражают стремление кыргызских бегов отметить свое привилегированное положение в обществе в качестве служителей «божественного» государства. Однако приспособить давно сложившиеся традиции родо-племенных верований к нуждам нового государства, объединившего под своей властью многие кочевые тюркские и монгольские этносы Центральноазиатского региона в эпоху «Кыргызского великодержавия» оказалось нелегко. Поэтому в этот период кыргызская правящая элита попыталась освоить некоторые иноземные прозелитарные верования. В сочинении мусульманского автора IX в. Абу-Дулафа утверждается, что в этот период у кыргызов «храм для богомоления и тростник, которым пишут. На-

род рассудительный и осмотрительный. Зажегши светильник, не гасят его, пока не погаснет сам собою. В молитвах употребляют особую мерную речь... В год имеются три праздника. Знамена их зеленого цвета. Молясь, обращаются к югу. Поклоняются планетам Сатурну и Венере, а Марс считают дурным предзнаменованием» [Кызласов, 1969: 127–128]. Сведения о наличии храма для моления божеству, особой «мерной речи», которой произносятся молитвы, трех религиозных праздников в течение года, поклонения некоторым планетам и восприятия в качестве «дурного предзнаменования» другой планеты может быть свидетельством принятия кыргызами какой-либо из прозелитарных религий. Л. Р. Кызласов предположил, что в сочинении Абу-Дулафа говорится о принятии енисейскими кыргызами манихейства. В пользу такого предположения он привел использование енисейскими кыргызами термина «марамыз» — вероучители, или наставники, который присутствует в кыргызской Суджинской надписи в Монголии. К предметам манихейского культа он отнес железный алтарь, который хранится в Минусинском музее. Он считал, что «манихейство не пустило глубоких корней» среди населения Минусинской котловины, уступив ведущее место шаманизму к середине X в. [Кызласов, 1969: 128].

Термин «мар», обозначающий вероучителя, неоднократно встречается в енисейских рунических надписях. В Суджинской надписи говорится «Моему наставнику я да (л) сто мужей и стоянку (местожительство)» [Малов, 1952: 85]. В надписи памятника Уюк-Аржан в Туве упоминается: «Мои товарищи, наши наставники, шад мой». При комментировании этой надписи С. Е. Малов отметил, что «Мар — титул христианских и манихейских вероучителей» [Малов, 1952: 14].

Вполне вероятно, что принятие манихейства в качестве официальной религии в Уйгурском каганате некоторым образом отразилось на возможности распространения этого вероучения среди енисейских кыргызов, которые были главными противниками уйгуров в борьбе за господство над Центральной Азией. В период противоборства кыргызов с уйгурами проповедование манихейского вероучения среди жителей Среднего Енисея было затруднено, поскольку манихейские проповедники должны были восприниматься враждебно в качестве представителей могущественного уйгурского государства. Однако после завоевания енисейскими кыргызами Центральной Азии ситуация существенным образом изменилась. Правители Кыргызского каганата должны были стремиться к объединению в рамках своего государства многочисленных тюркских, телесских и монгольских кочевых племен. В составе кыргызских владений оказались перешедшие на сторону кыргызов уйгурские воины из числа сподвижников полководца Гюйлу Мохэ, выступившего против Уйгурского каганата и способствовавшего решающей победе кыргызов. Некоторым свидетельством распространения религиозных представлений среди енисейских кыргызов, уйгуров и кок-тюрок может служить присутствие изображений религиозных канонических символов на художественных металлических изделиях из памятников тюркоязычных кочевников Южной Сибири и Центральной Азии конца I тыс. н. э. На предметах поясной и сбруйной фурнитуры средневековых номадов имеются изображения пламени и солнечных лучей, которые могут быть соотнесены с манихейской символикой. Подобная символика представлена и в буддийском декоративно-прикладном искусстве. Довольно популярным симво-

лом на южносибирской торевтике являлось изображение «чинтамани» — пламенеющей жемчужины, одной из драгоценностей Будды [Худяков, Хаславская, 1985: 248–249]. В эпоху «Кыргызского великодержавия» значительное распространение на предметах торвтики приобрели и другие буддийские символы, в том числе «узел счастья», «цветок смоковницы», изображение «лотоса». На отдельных бляхах-тройниках из состава конской сбруи присутствуют изображения креста с расширенными концами, которое соотносится с несторианским толком христианства.

В средневековых источниках имеются прямые свидетельства о распространении буддизма среди енисейских кыргызов, проникших в IX в. в Восточный Туркестан. В Дуньхуане были обнаружены написанные тибетским письмом буддийские тексты, которые были выполнены по просьбе представителя «княжеского дома страны Кыргыз» [Кызласов, 1969: 127]. В пещере Яр-Хото были найдены буддийские тексты, которые были нанесены на ее стены енисейским руническим письмом кыргызами, проникшими на территорию Восточного Туркестана. С территории Синьцзяна происходит находка китайского бронзового зеркала, с нанесенной енисейской рунической надписью [Кляшторный, Лубо-Лесниченко, 1974: 47]. Все эти находки свидетельствуют о проникновении енисейских кыргызов на территорию Восточного Туркестана и некотором распространении в их этнической среде буддизма.

Союзные отношения енисейских кыргызов с тибетцами привели к проникновению в кыргызскую этническую среду тибетской религии бон [Грач, 1980: 120]. Обнаружение в одном из кыргызских курганов на юге Тувы фрагментов тибетских «берестяных грамот», на которых были записаны имена демонов, может быть определенным свидетельством в пользу принятия тибетских шаманистских верований некоторой частью кыргызов.

В результате завоевания Восточного Тянь-Шаня это привело к тому, что кыргызы стали обитать по-соседству с мусульманскими народами, жившими на территории Средней Азии. В эпоху развитого Средневековья восточнотуркестанские кыргызы испытали значительное исламское влияние и восприняли некоторые культурные и религиозные традиции своих мусульманских соседей. Под влиянием своих соседей-мусульман кыргызы оставили свой традиционный обряд захоронения — кремацию тел умерших и стали хоронить своих соплеменников по обряду ингумации. Среди кыргызов, проживавших на территории Тянь-Шаня, появились правители, носившие мусульманские имена. В середине II тыс. н. э. вождем кыргызов стал предводитель, носивший имя мусульманского пророка Мухаммеда. В течение последующих столетий произошло принятие исламской религии кыргызским населением, освоившим горы и долины Западного Тянь-Шаня.

В то же время кыргызы, проживавшие на Среднем Енисее, в течение эпох развитого и позднего Средневековья оставались приверженцами шаманизма. Они сохраняли свой традиционный обряд кремации тел умерших взрослых сородичей и соплеменников, в то время как детей и подростков продолжали хоронить, не сжигая их тела. Разные варианты совершения захоронений по обряду ингумации взрослых соплеменников сохранялись у вассальных племен кыргызских кыштымов. Вероятно, в кыргызских княжествах на Среднем Енисее представители вассальных племен кыштымов придерживались иных традиционных шаманистических верований, отличавших их от ени-

сейских кыргызов. Важной отличительной особенностью заупокойной обрядности, характерной для кыштымов, было отсутствие у них обряда очищения огнем тела умершего соплеменника.

В XVII–XVIII вв. под влиянием западных монголов, которые населяли подчинившее енисейских кыргызов Джунгарское ханство, к ним стало проникать одно из направлений буддизма — ламаизм. В начале XVIII в. енисейские кыргызы были насильственно переселены в Джунгарию, а после разгрома западных монголов оказались в Маньчжурии и Северном Китае.

Потомки енисейских кыргызов, оставшиеся в составе местного населения — тюркоязычных племен, проживающих на территории Среднего Енисея, были присоединены после того, как в начале XVIII в. земли Минусинской котловины были включены в состав Российского государства. Некоторые из них со временем были крещены и обращены в православие. Однако многие местные жители сохранили некоторые свои традиционные религиозные верования вплоть до этнографической современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 306–315.

Байпаков К. М., Дашковский П. К. Международная научно-практическая конференция «Центральная Азия на Великом шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности» // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 129–134.

Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 471–543.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков: Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. М. ; Л., 1946. 208 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы, 1998. Т. I. 390 с.

Воробьева-Десятовская М. И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока. Вып. 22. М., 1980. С. 124–131.

Грач А. Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. 22. С. 103–123.

Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницина М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. 167 с.

Дашковский П. К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2011. 244 с.

Дашковский П. К. Распространение прозелитарных религий у тюркоязычных кочевников в Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии : монография / под ред. П. К. Дашковского. Т. I. Поздняя древность — начало XX в. Барнаул, 2014. С. 37–46.

Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015. 224 с.

Дашковский П. К. Международная научно-практическая конференция «Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шелковом пути» // Народы и религии Евразии. 2017. № 3–4 (12–13). С. 140–143.

Длужневская Г. В. Еще раз о «Кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник. М., 1978. С. 230–237.

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 164 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. № 9. М.; Л., 1949. 364 с.

Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея: памятники металлических эпох: атлас. Томск, 1886. 21 табл.

Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162–169.

Кляшторный С. Г., Лубо-Лесниченко Е. И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIX. Л., 1974. С. 45–48.

Кожа М. Б. Изображение Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса // Мировоззрение населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул, 2015. С. 34–47.

Король Г. Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюркике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул, 2015. С. 47–63.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. 216 с.

Кычанов Е. И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26. Л., 1978. С. 76–86.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.

Леонтьев Н. В. О буддийских мотивах в средневековой тюркике Хакасии (по материалам коллекции Минусинского краеведческого музея) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988.

Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 3–19.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. 452 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М., 1952. 116 с.

Нечаева Л. Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1966. Т. II. С. 108–142.

Нуржанов А. А. Мусульманское денежное отношение Средней Азии и Казахстана в эпоху Средневековья (VII–XVIII вв.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VI. Барнаул, 2013. С. 50–62.

Нуржанов А. А. Культовый сосуд карлуков-несторланцев из городища Кастек // Народы и религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 14–22.

Потапов Л. П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

Рыбаков Н. И. Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул, 2015. С. 93–101.

Рыбаков Н. И. Петроглифы горы Чуртаг и ее окрестностей // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX. Барнаул, 2016. С. 135–159.

Рыбаков Н. И. Дипломатические контакты карлуков Семиречья и кыргызов Енисея: начало IX в. // Народы и религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 56–66.

Супруненко Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. С. 236–248.

Терновая Г. А. К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул, 2015. С. 122–137.

Хабдулина М. К., Билялова Г. Д., Бонора Ж. Л. Распространение ислама в восточном Дашт-и кыпчаке по материалам городища Бозок // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2018. № 1 (14). С. 16–30.

Худуд ал-Алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973. С. 35–45.

Худяков Ю. С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Северная Азия. Новосибирск, 1980. С. 193–205.

Худяков Ю. С. Орнамент наборных поясов погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 144–153.

Худяков Ю. С., Хаславская Л. М. О пламевидном орнаменте в южносибирской торевтике // Рериховские чтения, 1984 год. К 110-летию Н. К. Рериха и 80-летию С. Н. Рериха. Новосибирск, 1985. С. 244–249.

Худяков Ю. С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 65–75.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 72 p.

REFERENCES

Arslanova F. H., *Kljachtornii S. G. Runisheskaia nadpis na zerkale iz Verkhnego Priirtishia* [Runic Inscription on the mirror from Upper Irtysh River region]. *Turkologicheskii sbornik* [Turcologica]. М., 1973. S. 306–315 (in Russian).

Baipakov K. M., Dashkovskiy P. K. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaja konferentsiia “Tsentral’naia Aziia na Velikom shelkovom puti: dialog kul’tur i konfessii ot drevnosti do

sovremennosti” [The international scientific and practical conference “Central Asia on the Great silk road: dialogue of cultures and confessions from ancient times to the present”. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2019. № 1 (18). S. 129–134 (in Russian).

Bartold V. V. *Kirgizi. Istoricheskii ocherk* [The Kyrgyz. Historical essay]. *Sochineniya* [Writings]. M., 1963. T. 1. Ch. 2. S. 471–543 (in Russian).

Bernshtam A. N. *Sotsialno-ekonomicheskii stroi orkhono-eniseiskikh turok VI–VIII vekov. Vostoshno-Turkskii kaganat I kirgizi* [Socioeconomic system of the Orkhon Turks in the 6th — 8th century. Eastern Turkic Khanate and the Kyrgyz]. M. ; L., 1946. 208 s. (in Russian).

Bichurin N. Y. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of data on the people living in Central Asia in ancient times]. Almaty, 1998. Psrt. 1. 390 s. (in Russian).

Grach A. D. *Drevnekirgizskie kurgani u severnoi kotlovini Bolshikh ozer I nakhodki tibetskikh nadpisei na bereste* [The Old Kyrgyz mounds at the northern Great Lakes Depression and findings of Tibetan inscriptions on birch bark]. *Strani I narodi Vostoka* [Countries and peoples of the East]. M., 1980. Vol. XXII. S. 103–123 (in Russian).

Gryaznov M. P., Zavitukhina M. P., Komarova M. N., Minjaev S. S., Pshenicina M. N., Khudjakov Yu. S. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei* [Complex of archaeological Objects at the Mount Tepsei]. Novosibirsk, 1979. 167 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Saiano-Altai i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennye issledovaniia)* [The outlook of the nomads of the Sayan-Altai and neighboring territories of late antiquity and the early middle ages (Russian historiography and modern studies)]. Barnaul, 2011. 244 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Rasprostranenie prozelitarnykh religii utiurkoiazychnykh kochevnikov v Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia* [Distribution of proselytic religions among Turkic-speaking nomads in southern Siberia and Central Asia in the middle ages]. *Religiozniy landschaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]: kol. monografiia pod red. S. K. Dashkovskogo Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. T. I. *Pozdniaia drevnost' — nachalo XX v. S. 37–46* (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noi Azii* [Kyrgyz in Altai in the context of ethno-cultural processes in Central Asia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 224 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia “Religii Kazakhstana i Tsentral'noi Azii na Velikom shelkovom puti”* [The international scientific and practical conference “Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great silk road”]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of the Eurasia]. 2017. № 3–4 (12–13). S. 140–143 (in Russian).

Dlujnevskaiia G. V. *Eshe raz o “Kudirginskoi valune” (k voprosu ob ikonografii Umai u drevnikh tiurkov)* [Once more about “Kudryga boulder” (to the issue of iconography of Umay of the Old Turks)]. *Tiurkologicheskii sbornik* [Turcologica]. M., 1978. S. 230–237 (in Russian).

Djakonova V. P. *Pogrebalnii obrjad tuvincev kak istoriko-ethnographicheskii istochnik* [Funereal rite of the Tuvans as a historical and ethnographical source]. L., 1975. 164 s. (in Russian).

Khudud-al-Alam [Hudud al-'Alam]. *Materiali po istorii kirgizov I Kirgizii* [Materials on history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. M., 1973. Vol. I. S. 35–45 (in Russian).

Kiselev S. V. *Drevnjaja istorija Juzhnoj Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. *Materialy I issledovanija po archeologii SSSR* [Materials and research on the archaeology of the USSR]. M.; L., 1949. № 9. 362 s. (in Russian).

Kljachtornii S. G. *Istoriko-kulturnoe znachenie Sudjinskoi nadpisi* [Historical and cultural significance of the Süüdziin inscription]. *Problemi vostokovedenia* [Issues of oriental studies]. 1959. № 5. S. 162–169 (in Russian).

Kljachtornii S. G., Lubo-Lesnichenko E. I. *Bronzovoie zerkalo iz Vostochnogo Turkestana s runicheskoj nadpisiu* [Bronze mirror with runic inscription from Eastern Turkestan]. *Soobshenia Gosudarstvennogo Ermitaja* [Reports of the State Hermitage Museum]. L., 1974. Vol. XXXIX. S. 45–48 (in Russian).

Klemenzen D. A. *Drevnosti Minusinskogo muzeja: pamjatniki metallicheskih epoh. Atlas* [Antiquities of Minusinsk Museum: monuments of Metal Ages. The Atlas]. Tomsk, 1886. Table 21 (in Russian).

Kozha M. B. *Izobrazhenie Tengri i Umai na reznom dereve iz Otrarskogo oazisa* [Image of Tengri and Umai on a carved tree from the Otrar oasis]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Vyp. VIII. Barnaul, 2015. S. 34–47 (in Russian).

Korol' G. G. *Motivy letiashchei ptitsy i krylatoi bogini v srednevekovoii torevtike i traditsionnoe nasledie narodov Saiano-Altaja* [Motifs of a flying bird and a winged goddess in medieval torevtika and traditional heritage of the Sayano-Altai peoples]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Vyp. VIII. Barnaul, 2015. S. 47–63 (in Russian).

Nurzhanov A. A. *Musul'manskoe denezhnoe otnoshenie Srednei Azii i Kazakhstana v epokhu Srednevekov'ia (VII–XVIII vv.)*. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, 2013. Vyp. VI. S. 50–62 (in Russian).

Nurzhanov A. A. *Kul'tovyi sosud karlukov-nestoriantsev iz gorodishcha Kastek*. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of the Eurasia]. Barnaul, 2017. Vyp. 1–2 (10–11). S. 14–22 (in Russian).

Rybakov N. I. *Dopolnitel'nye materialy o religii kyrgyzov Eniseia: VIII–X vv.* [Additional materials on the religion of the Kyrgyz of the Yenisei: VIII–X centuries] / *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, 2015. Vyp. VIII. S. 93–101 (in Russian).

Rybakov N. I. *Petroglify gory Churtag i ee okrestnostei* [Petroglyphs of Churtag mountain and its surroundings]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi*

retrospektive [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect].. Vyp. IX. Barnaul, 2016. S. 135–159 (in Russian).

Rybakov N. I. Diplomaticheskie kontakty karlukov Semirech'ia i kyrgyzov Eniseia: nachalo IX v. [Diplomatic contacts of the Karluks to the Zhetysu and the Kyrgyz of the Yenisei: the beginning of the ninth century]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of the Eurasia]. Barnaul, 2017. Vyp. 1–2 (10–11). S. 56–66 (in Russian).

Ternovaia G. A. K voprosu o kul'te ognia v pogrebal'no-pominal'noi obriadnosti srednevekovykh zhitelei Semirech'ia (po materialam arkheologii) [On the question of the cult of fire in the funeral and memorial rites of medieval inhabitants of Semirechye (based on archeology)]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, 2015. Vyp. VIII. S. 122–137 (in Russian).

Khabdulina M. K., Bilialova G. D., Bonora Zh. L. Rasprostranenie islama v vostochnom Dasht-i kypchake po materialam gorodishcha Bozok [The Spread of Islam in East Dasht-I Kipchak according to the materials of the ancient settlement Bozok]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul, 2018. №. 1 (14). S. 16–30 (in Russian).

Khudyakov Yu. S. *Tipologia pogrebenii VI–XII vv. v Minusinskoj kotlovine* [Typology of interments of the 6th — 12th century in Minusinsk Hollow]. *Arkheologicheskii poisk. Severnaia Azia* [Archaeological search. Northern Asia]. Novosibirsk, 1980. S. 193–205 (in Russian).

Khudyakov Yu. S. *Ornament nabornikh poiasov pogrebenii Nik-Khaia* [Ornament of typesetting belts of interments Nic-Haia]. *Plastika I risunki drevnikh kultur* [Metal plastics and drawings of the ancient cultures]. Novosibirsk, 1983. S. 144–153 (in Russian).

Khudyakov Yu. S., Khaslavskaja L. M. *O plamevidnom ornamente v yuznosibirskoi torevtike* [About flame-form ornamentation in Southern Siberian torevtics]. *Rerikhovskie chtenia 1984 god. K 110-letiu N. K. Rerikha i 80-letiu S. N. Rerikha* [IV Roerich's Forum. 1984. To 110th anniversary of N. C. Roerich and 80th anniversary S. N. Roerich]. Novosibirsk, 1985. S. 244–249 (in Russian).

Khudyakov Yu. S. *Shamanizm I mirovie religii u kirgizov v epokhu Srednevekovia* [Shamanism and world's religions of the Kyrgyz in the era of Middle Ages]. *Tradicionnie verovania I bit narodov Sibiri* [Traditional beliefs and way of life of the people of Siberia]. Novosibirsk, 1987. S. 65–75 (in Russian).

Kyuner N. V. *Kitaiskie izvestia o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentralnoi Azii I Dalnego Vostoka* [Chinese news about peoples of Southern Siberia, Central Asia and Far East]. M., 1961. 392 s. (in Russian).

Kishanov E. I. *Siriiskoie nestorianstvo v Kitae I Centralnoi Azii* [Syrian nestorianism in China and Central Asia]. *Palestinskii Sbornik* [Palestinian Compendium]. L., 1978. Vol. 26. S. 76–86 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Istoria Tuvi v Srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. M., 1969. 210 s. (in Russian).

Kyzlasov L. R., Korol G. G. *Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskii istochnik* [Ornamental art of the Khakas people of the Middle Ages as a source on history]. M., 1990. 216 s. (in Russian).

Leontiev N. V. *O buddiiskikh motivakh v srednevekovoii torevtike Khakasii (po materialam kolleksii Minusinskogo kraevedcheskogo muzeia)* [About Buddhist stuff in medieval torevtics of Khakassia (on materials of collection of Minusinsk local history museum)]. *Istoriko-kulturnii swiazi narodov Yujnoi Sibiri* [Historical and cultural ties of the people of Southern Siberia]. Abakan, 1988 (in Russian).

Livshic V. A. *O proiskhozhenii drevnetyurkskoi runicheskoi pismennosti* [About origin of the Old Turkic runic script]. *Archeologicheskie issledovania drevnego I srednevekovogo Kazakhstana* [Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, 1980. S. 3–19 (in Russian).

Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pismennosti* [Monuments of the Old Turkic script]. M.; L., 1951. 451 s. (in Russian).

Malov S. E. *Eniseiskaya pismennost tyurkov* [Yenisei script of the Turks]. M.; L., 1952. 116 s. (in Russian).

Nechaeva L. G. *Pogrebenia s truposojjeniem mogilnika Tora-Tal-Arti* [Interments with corpses cremation of burial ground Tora-Tal-Arti]. *Trudi Tuvinskoi kompleksnoi archeologo-ethnographicheskoi ekspeditcii* [Works of Tuvan complex archaeological and ethnographical expedition]. M.; L., 1966. T. II. S. 108–142 (in Russian).

Potapov L. P. *K voprosu o drevnetyurkskoi osnove I datirovke altaiskogo shamanstva* [To the issue of the old Turkic basis and dating of the Altai shamanism]. *Etnografiya narodov Altaya I Zapadnoi Sibiri* [Ethnography of people of the Altai Mountains and Western Siberia]. Novosibirsk, 1978. S. 3–36 (in Russian).

Suprunenko G. P. *Nekotorie istochniki po drevnei istorii kirgizov* [Several sources on ancient history of the Kyrgyz]. *Istoria I kultura Kitaia* [History and culture of China]. M., 1974. S. 236–248 (in Russian).

Vorobieva-Desyatovskaia M. I. *Fragments tibetskikh rukopisei na bereste iz Tuvi* [Fragments of Tibetan manuscripts on birch bark from Tuva]. *Strani I narodi Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. M., 1980. Vol. XXII. S. 124–131 (in Russian).

Цитирование статьи:

Худяков Ю. С. Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в периоды раннего и развитого Средневековья // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 127–143.

Citation:

Hudyakov Yu. S. Data about dissemination of the world's proselytizing regions and traditional beliefs and funerary rites among the yenisei kyrgyz and kyshtym during periods of the early and high middle ages. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 2 (19). P. 127–143.
